

*Стефани,
спасибо тебе за то,
что сказала «да»*

ГЛАВА 9

ИГРАЙ РОЛЬ, ПОКА РОЛЬ НЕ СЛОМАЕТ ТЕБЯ

— ХАДСОН —

А вы оказались в полной жопе. И, судя по страху на лице Грейс, она тоже это понимает.

Мне хочется сказать ей, что все будет хорошо, но, если честно, и я напуган. Правда, по другой причине, но я пока не готов об этом думать.

Сейчас она сидит на моем диване перед пылающим камином, и ее мокрые после душа кудри блестят в его мерцающем свете. Она надела одну из моих футболок и спортивные штаны, которые ей пришлось закатать.

Никогда она не выглядела более прекрасной. И более беззащитной.

При этой мысли меня начинает одолевать еще больший страх, хотя я и говорю себе, что она совсем не так беззащитна, как кажется. Что она может справиться со всем, что обрушит на нее этот гребаный мир.

Со всем, кроме Сайруса.

Если я что-то и знаю о своем отце, так это то, что он не останавливается, пока не получает желаемое — и к черту последствия.

От этой мысли у меня холодеет кровь.

За всю мою паскудную жизнь я никогда ничего не боялся — не боялся жить и совершенно точно не боялся умереть. Но появилась Грейс, и теперь я живу в постоянном страхе.

Я боюсь ее потерять и боюсь, что если я ее потеряю, то вместе с ней из моей жизни уйдет свет. Я знаю, каково это — жить во мраке, ведь я провел в нем всю мою чертову жизнь.

И я не хочу возвращаться туда.

— Может... — Я прочищаю горло и начинаю снова: — Может, мне принести тебе что-нибудь попить? — спрашиваю я, но Грейс не отвечает. Я даже не уверен, слышит ли она меня — она продолжает смотреть на свой телефон, не желая пропустить ни слова из того, что станет известно о состоянии Флинта. Десять минут назад прибыл специалист, приглашенный, чтобы осмотреть его, и ожидание вести о том, сможет ли Флинт сохранить ногу, кажется, длится уже целую вечность. Я знаю, что она хочет сейчас находиться в лазарете вместе с ним — мы все этого хотим, — но, когда он сказал, что хочет побыть один, мы не могли ему отказать. — Ладно. Хорошо. Я вернусь через несколько минут, — говорю я ей, поскольку мне, как и ей, отчаянно нужно принять душ.

Она все не отвечает, и я начинаю гадать, о чем она думает. Она произнесла всего несколько слов с тех пор, как мы вернулись в школу и обнаружили, что Сайрус одурачил нас, похитив всех учеников, пока мы сражались на острове. Узнать бы, что я могу сделать, чтобы помочь ей, чтобы достучаться до нее прежде, чем все опять полетит в тартарары.

Потому что так оно и будет. Доказательством этому служит то, что Сайрус смог заключить новые опасные союзы. А также то, что ему удалось похитить детей самых могущественных сверхъестественных существ в мире. И теперь ему остается сделать только одно — уничтожить *все*.

Чтобы Грейс не пришлось сидеть в одиночестве и молчании, я подхожу к своему собранию пластинок и перебираю их, пока пальцы не останавливаются на альбоме Нины Симон. Я вынимаю винил из конверта, устанавливаю его на проигрывателе, нажимаю кнопку, жду, чтобы игла с шипением опустилась на диск и комнату наполнил хриплый голос Нины. Я уменьшаю громкость, чтобы это было больше похоже на фоновую музыку, и, еще раз посмотрев на неподвижно сидящую Грейс, поворачиваюсь и иду в ванную.

Я трачу на душ минимум времени, если учесть, сколько мне надо смыть с себя крови и смерти, и так же быстро одеваюсь.

Я не знаю, почему так спешу, не знаю, что именно боюсь увидеть...

Мое бешено бьющееся сердце замедляет ритм, когда я вижу Грейс там же, где оставил ее. И я наконец признаюсь самому себе — я не хотел выпускать ее из виду, потому что боюсь, как бы она не осознала, что, выбрав меня, совершила ошибку.

Может, это иррациональный страх, раз уж она сказала мне, что любит меня? Раз уж она выбрала меня, несмотря ни на что, зная, каким бременем могут быть мои таланты? Наверняка.

Но значит ли это, что я избавляюсь от этого страха? Нет, и близко нет.

Вот какова ее власть надо мной, и так будет всегда.

— Есть какие-нибудь вести о Флинте? — спрашиваю я и, достав бутылку воды из стоящего в углу холодильника, от-ношу ей.

— Пока в общем чате ничего нет.

Я пытаюсь отдать ей воду, но она будто не замечает моей руки, тогда я сажусь на диван рядом и ставлю бутылку на стоящий перед нами стол.

Она отводит глаза от огня, устремляет свой страдальче-ский взгляд на меня и шепчет:

— Я люблю тебя.

Мое сердце снова начинает биться часто и гулко.

Она выглядит сейчас такой серьезной, слишком серьез-ной, у нее даже сделался какой-то отчаявшийся вид. И я де-лаю то, что и всегда, когда мне надо отвлечь ее от тягостных мыслей, — поддразниваю ее, на сей раз с помощью нашей излюбленной фразы из кино:

— Я знаю.

Когда ее сумрачных глаз касается улыбка, я понимаю, что сделал правильный выбор. И, протянув руки, сажаю ее себе на колени, наслаждаясь прикосновением ее тела к моему. Опустив глаза, я провожу пальцем по «обетному» кольцу, которое я ей подарил, и вспоминаю обет, данный мной в тот день, вспоминаю убежденность и дрожь в моем голосе, когда я произносил те судьбоносные слова, и у меня теснит грудь.

— Знаешь, — говорит она, и я поднимаю взгляд и снова смотрю ей в глаза, — ты сказал, что если я когда-нибудь предположу, какой обет ты дал, то ты скажешь мне, в чем именно он состоял. Думаю, я поняла, что это был за обет.

Я поднимаю одну бровь.

— В самом деле?

Она кивает.

— Ты дал обет приносить мне завтрак в постель до конца моих дней.

Я фыркаю.

— Это вряд ли. По утрам ты похожа на гремлина.

Ее лицо озаряет улыбка — первая за целую вечность.

— Я просто *напоминаю* гремлина. — Она смеется над своей шуткой, и я тоже смеюсь. Это так здорово — снова видеть, как она улыбается.

— А, знаю, — говорит она, сделав вид, будто обдумывает альтернативы. — Ты пообещал отдавать мне победу в каждом споре?

От этого абсурдного предположения я хохочу во все горло. Она обожает спорить со мной. И вряд ли ей действительно хочется, чтобы я просто сложил оружие и сдался без боя.

— Ну уж нет.

Она моргает.

— Ты когда-нибудь скажешь мне, в чем состоял твой обет?

Она не готова услышать, какой обет я дал, когда еще не знал, полюбит ли она меня. И вместо того, чтобы ответить, я шучу:

— Ну и в чем тут веселье?

Она легко толкает меня кулаком в плечо.

— Когда-нибудь я это из тебя вытащу. — И проводит ладонью по щетине на моем лице. — Ведь на то, чтобы угадать, у меня есть целая вечность, приятель.

Внезапно во мне вспыхивает пламя.

— Я люблю тебя. — Я наклоняюсь и легко касаюсь губами ее губ — раз, другой. Но Грейс явно хочется не этого. Ее ресницы трепещут, она берет мою голову в ладони и требует от меня всего, что у меня есть. Мое дыхание. Мое сердце. Мою душу.

Когда мы оба начинаем задышаться, я отклоняюсь и смотрю в ее ласковые карие глаза. Я мог бы утонуть в их глубине.

— Я люблю тебя, — снова говорю я ей.

— Я знаю, — подразнивает она, повторив то, что чуть раньше сказал ей я.

— Мой нахальный язык когда-нибудь сведет меня в могилу, — шепчу я, целую ее снова, и в моей голове начинают крутиться мысли о том, как я поднимаю ее и несу на свою кровать. Но она напрягается, и я понимаю, что мое неосторожное замечание о могиле напомнило ей, напомнило нам обоим о том, что мы потеряли и что еще можем потерять. Мое сердце едва не останавливается, когда я вижу слезы в ее глазах.

— Прости, — шепчу я.

Она быстро качает головой, будто давая понять, что мне не стоит корить себя за промах, но этому не бывать. Она закусывает губу, ее подбородок дрожит от сдерживаемой муки, и мне хочется кусать себе локти за то, что, когда она рядом, я сначала говорю, а думаю только потом.

— Малыш, все будет хорошо, — говорю я ей, чувствуя, как все в моем теле превращается в жидкость. Кости, артерии, мышцы — все растворяется, и остается то, чем я был бы без Грейс. Пустой кровотокающей оболочкой.

— Что я могу сделать? — спрашиваю я. — Что тебе нужно...

Она заставляет меня замолчать, приложив к моим губам свои тонкие холодные пальцы.

— Лука умер напрасно. Нога Флинта, сердце Джексона, все... Все это было зря, Хадсон, — шепчет она.

Я опять прижимаю ее к себе, держу в объятиях, пока ее терзают воспоминания о том, что мы пережили, и чувствую, как ее дрожь передается мне, потому что знаю, что у меня больше нет оправданий.

И, обнимая девушку, которую я люблю, — девушку, ради спасения которой я готов на все, — я понимаю, что мое время вышло. И на меня обрушивается та холодная жестокая правда, от которой я старался отгородиться весь последний час.

Все это моя вина.

Все. Все муки, все смерти, вся боль, которую Грейс и остальные испытали на острове, — все это моя вина.

Потому что я был эгоистом. Потому что я не хотел отказываться от нее. Потому что я был *слаб*.

Я всю жизнь бежал от той судьбы, которую выбрал для меня отец, но теперь мне ясно — выбора у меня нет. Эта судьба настигнет меня, хочу я того или нет, ее не избежать. Второй раз мне это не удастся, ведь сейчас на кону стоит счастье Грейс.

И, когда я наконец покоряюсь своей судьбе, мне становится страшно, что это разрушит все.

ГЛАВА 1

ИНОГДА ДВЕ ПРАВИЛЬНОСТИ ВМЕСТЕ ДАЮТ ОДНУ ОЧЕНЬ БОЛЬШУЮ НЕПРАВИЛЬНОСТЬ

Не бы хотелось находиться где угодно, но только не здесь.

Где угодно, только не в середине этой чересчур холодной комнаты, в которой пахнет болью, страданием и антисептиком. Я быстро улыбаюсь Хадсону, затем поворачиваюсь к остальным.

— С чего мы начнем? — Мэйси говорит это тихо, но ее вопрос отражается от голых стен и коек разгромленного лазарета, звуча как выстрел из винтовки.

Это вопрос на миллион долларов, нет, не на миллион, а на миллиард. Но сейчас, стоя перед Мэйси и нашими друзьями, я понятия не имею, как на него ответить.

Справедливости ради надо сказать, что я в шоковом состоянии с тех самых пор, как мы вернулись в Кэтмир и обнаружили, что школа разгромлена, ее стены забрызганы кровью, комнаты раскурочены, а все до одного ученики и учителя пропали. А теперь и Флинт может остаться без ноги. Я раздавлена, и от того, что Флинт так храбрится, мне только становится еще хуже.

Прошел час после нашего возвращения, и пусть даже после душа я стала чище, чувство опустошенности не исчезло. Хуже того, глядя на лица моих друзей — Джексона, Флинта, Рафаэля, Лайама, Байрона, Мекая, Иден, Мэйси, Хадсо-

на, — я вижу, что они так же потрясены, как и я. И, похоже, они тоже понятия не имеют, что будет дальше.

С другой стороны, непонятно, что вообще можно сделать, если мир, каким ты его знаешь, разваливается и ты можешь только наблюдать за его крушением. Если любая стена, которую ты пытаешься удержать, неизбежно обрушивается.

За последние несколько месяцев на нашу долю выпало много тягот и потерь, но это первый раз с тех пор, как погибли мои родители, когда все кажется мне действительно безнадежным.

Даже когда я в одиночку сражалась на арене Лударес, я знала, что все будет в порядке — если не у меня самой, то хотя бы у тех, кто мне дорог. Когда мы с Хадсоном дрались с великанами, я точно знала, что он останется жив. И, когда мы были на острове Неубиваемого Зверя, когда мы противостояли королю вампиров и его войскам, я все равно чувствовала, что у нас есть шанс, что мы сможем придумать, как нам победить Сайруса и его альянс.

И в конце, когда он бежал, мы думали, что нам по крайней мере удалось выиграть битву, если не всю войну. Мы думали, что жертвы — огромные жертвы, — которые мы принесли, были принесены не напрасно.

Так было, пока мы не вернулись сюда, в Кэтмир, и не поняли, что это была не война — и даже не битва. Нет, то, что для нас было схваткой не на жизнь, а на смерть, то, что поставило нас на колени и бросило в бездну отчаяния, вообще не было сражением — это было чем-то вроде способа занять детишек, пока взрослые одерживают победу в *настоящей войне*.

Я чувствую себя душой... и неудачницей. Потому что, хотя мы отлично знали, что Сайрус коварен и что в запасе у него есть множество хитрых трюков, мы все равно попались на его удочку. Хуже того, из-за него мы потеряли друга.

Они убили Луку, а Флинт потерял ногу.

И, судя по лицам в этом лазарете, я не единственная, кто испытывает такие чувства — мы все испытываем такую ярость и муку, что больше у нас ни для чего не осталось места.

Мэриз, школьный фельдшер и единственный человек, оставшийся в Кэтмире, лежит на одной из коек, синяки и ссадины на ее руках и щеке все еще заметны, несмотря на

вамперский обмен веществ, говорят о том, что она дралась упорно. Мэйси приносит ей бутылку с кровью из ближайшего холодильника, и она, благодарно кивнув, пьет. Похоже, то, что осталось от ее сил, ушло на помощь целителю, который занимался ногой Флинта.

Я смотрю на Флинта, сидящего на койке в углу, положив то, что осталось от его ноги, на подушку, вижу боль на его лице вместо обычной дурашливой улыбки, и у меня разбивается сердце. Он кажется таким маленьким, плечи ссутулились от боли и горя. Усилием воли я заставляю себя стоять прямо, а еще за талию меня обнимает Хадсон, как будто понимает, что без его поддержки я упаду. Его попытки меня утешить должны были бы приободрить меня, если бы в этот момент он не дрожал так же сильно, как и я сама.

Повисает напряженное молчание, затем Джексон прочищает горло и резко говорит:

— Нам надо поговорить о Луке. У нас мало времени.

— О Луке? — спрашивает Мэризи, и в ее хриплом голосе слышится печаль. — Он погиб?

— Да, погиб, — отвечает Флинт, и его голос так же безжизнен, как и его глаза.

— Мы доставили его тело сюда, в Кэтмир, — добавляет Мекай.

— Это правильно. Нельзя было оставлять его на том богом забытом острове. — Мэризи пытается сказать что-то еще, но у нее срывается голос. Она откашливается и начинает снова: — Но вы правы. Времени у нас мало.

— Времени для чего? — спрашиваю я и смотрю на Байрона, который достает из кармана свой телефон.

— Мы должны сообщить родителям Луки, — отвечает он, прокручивая записную книжку своего телефона. — Его надо похоронить в течение двадцати четырех часов.

— В течение двадцати четырех часов? — повторяю я. — По-моему, это очень скоро.

— Да, очень, — соглашается Мекай. — Но, если за это время он не будет погребен в их фамильной крипте, его тело распадется.

От жестокости этого ответа — от жестокости этого мира — у меня перехватывает дыхание.

Разумеется, в конце концов мы все обращаемся в прах, но как ужасно, что это должно произойти так быстро. Возможно, даже до того, как родители Луки смогут добраться сюда, чтобы увидеть его. И уж точно до того, как мы сможем по-настоящему осознать, что его больше нет.

До того, как мы по-настоящему попросимся с ним.

— Байрон прав, — тихо произносит Мэйси. — Родители Луки заслуживают, чтобы им дали возможность попроситься с ним.

— Конечно, они этого заслуживают. Но мы не можем дать им такую возможность, — говорит Хадсон таким тоном, что следующее за его словами молчание походит на пульсирующую рану.

Похоже, никто не знает, что на это сказать, так что все мы просто смотрим на него. Может, я его не расслышала? — думаю я, и, судя по растерянности на лицах остальных, они думают о том же.

— Мы должны им сообщить, — говорит Джексон тоном, не терпящим возражений.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает Мэйси, говоря одновременно с Джексоном. Спрашивает не сердито, а просто с тревогой.

— Им нужно время, чтобы перевезти его в их семейную крипту, — говорит Байрон, но он перестал искать номер — то ли потому, что наконец нашел телефон родителей Луки, то ли потому, что не может поверить в то, что услышал. — Если мы не позвоним им прямо сейчас, то от него ничего не останется.

Хадсон убирает руку с моей талии, и меня пробивает дрожь от утраты его тепла.

— Знаю, — говорит он, скрестив руки на груди. — Но они вампиры и состоят при Дворе вампиров. Откуда мы знаем, что им можно доверять?

— Их сын погиб. — В голосе Флинта звучит возмущение, и он пытается встать. Я поверить не могу, что он уже встает и может двигаться, но у тех, кто может менять обличья, все заживает быстро при любых обстоятельствах. Джексон поворачивается, чтобы помочь ему, но Флинт со злостью отшвыривает его руку, при этом не сводя глаз с Хадсона. — Не